

УДК 342.9
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137
EDN JMBOWX

Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика

Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены изменения, принятые в федеральном законе от 22 июля 2025 года «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Так, в КоАП РФ появляется статья 13.53 как инструмент административного контроля за умышленным поиском и получением доступа к информации, признанной экстремистской. Авторы рассматривают правовую природу данного состава правонарушения. Особое внимание уделено практике привлечения к ответственности за доступ к запрещённой информации с использованием программно-аппаратных средств (VPN, Tor, прокси). Выявлены риски произвольного правоприменения и подмены умысла техническими признаками, установлена правовая неопределённость разграничения случайного и осознанного доступа. В контексте философско-правового анализа показано, что современная практика регулирования экстремистского контента порой вступает в противоречие с конституционными принципами свободы мысли и информации. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и правовых позиций Конституционного Суда РФ сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования. Сделан вывод о необходимости переосмысления подхода к оценке информационного поведения личности в условиях цифровизации и защиты правопорядка, основанной на принципах индивидуализации ответственности, правовой определённости и пропорциональности.

Ключевые слова: экстремистские материалы, информационная безопасность, VPN, цифровая среда, статья 13.53 КоАП РФ, субъективная сторона, умысел, свобода информации, правоприменение, правовой анализ

Для цитирования: Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В. 2026. Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 129–137. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137 EDN: JMBOWX

Problems of Legal Regulation of Countering the Spread of Extremist Materials in Information and Telecommunication Networks: Theoretical Aspect and Law Enforcement Practice

Alexey V. Rimsky, Oleg A. Dizer, Andrey V. Kuznetsov

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Abstract. The article presents a comprehensive legal and philosophical analysis of the regulation of access to extremist materials in the digital environment. The focus is placed on Article 13.53 of the Code

of Administrative Offenses of the Russian Federation, which establishes administrative liability for deliberate search for and access to information classified as extremist. The authors explore the legal nature of the offense in question, emphasizing the ambiguity of the term “knowingly”, the difficulties of proving intent, and the risks of broad interpretation of digital behavior. Special attention is given to the issues of accessing restricted content via technical tools such as VPN, Tor, and proxy servers. The study identifies risks of arbitrary enforcement and substitution of subjective intent with objective technical indicators. The lack of a clear distinction between accidental and intentional access is highlighted as a critical legal gap. From a philosophical and legal perspective, the article demonstrates that current enforcement practices concerning extremist content may conflict with constitutional principles of freedom of thought and information. Based on the analysis of legislation, judicial practice, and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the authors formulate proposals for legislative improvement. The study concludes that effective counteraction to extremism in the digital environment must be based on the principles of legal certainty, individualized liability, and proportionality, ensuring a proper balance between public security and individual informational autonomy.

Keywords: extremist materials, information security, VPN, digital environment, Article 13.53 of the Code of Administrative Offenses, subjective element, intent, freedom of information, law enforcement, legal analysis

For citation: Rimsky A.V., Dizer O.A, Kuznetsov A.V. 2026. Problems of Legal Regulation of Countering the Spread of Extremist Materials in Information and Telecommunication Networks: Theoretical Aspect and Law Enforcement Practice. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 129–137 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137 EDN: JMBOWX

Введение

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» стал ключевым правовым актом, направленным на формирование системы нормативных барьеров против распространения идей, способных разрушить основы конституционного строя Российской Федерации. В п. 3 ст. 1 закона даётся следующее определение: «экстремистские материалы — это документы или информация на ином носителе, предназначенные для распространения и содержащие признаки экстремизма»¹. Однако при всей внешней завершенности этого определения его юридическая природа остаётся проблемной и концептуально неопределённой. Прежде всего, в указанной норме отсутствует конкретизация признаков, отличающих экстремизм от иных видов общественно опасной либо критической информации. Законодатель отсылает к обобщённому понятию «признаки экстремизма», при этом не раскрывая, каким образом материалы, содержащие, к примеру, критику власти, попадают под квалификацию как экстремистские. Следствием подобной неопределённости становится чрезвычайно широкое усмотрение органов правоприменения. Это даёт основание говорить о возможном конфликте между требованиями правовой определённости и принципами борьбы с идеологическим насилием. Как подчёркивал С.В. Новиков: «Определения, допускающие политическую интерпретацию правовых норм, неизбежно ведут к деформации справедливости в пользу репрессивного подхода» [Новиков, 2018].

Парадокс заключается в том, что экстремистскими в России могут быть признаны не только произведения, содержащие прямые призывы к насилию или нарушению прав других лиц, но и тексты, намеренно или ненамеренно трактуемые как угрожающие основам государственности, независимо от реального общественного вреда. В этой связи правоприменение зачастую исходит не из объективных критериев, а из идеологической чувствительности контекста, в котором функционирует тот или иной материал. Необходимо также отметить, что в современной правовой доктрине всё активнее

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

поднимается вопрос о соотношении экстремистских материалов и права на свободу выражения мнений, гарантированного ст. 29 Конституции РФ. В частности, профессор А.И. Ковлер указывает, что: «При квалификации информации как экстремистской необходимо учитывать контекст, цели автора и отсутствие прямой угрозы общественному порядку. Без этого любое несогласие может быть криминализировано» [Ковлер, 2020].

Особую сложность представляет интерпретация признака «предназначенности для распространения», поскольку зачастую экстремистскими признаются материалы, не предназначенные для публичного доступа, например, переписка в мессенджерах, закрытые интернет-форумы или личные файлы. Здесь нарушается принцип интерпретации в пользу лица, установленный п. 3 ст. 1.5 КоАП РФ и ст. 3 УК РФ. Кроме того, включение информации в федеральный список экстремистских материалов осуществляется судами общей юрисдикции, нередко в отсутствие широкой экспертной дискуссии и без правового анализа воздействия материала на общество. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, «ограничение прав должно осуществляться строго на основе закона, быть необходимым и соразмерным»¹ (Постановление КС РФ от 30.06.2011 № 16-П).

Правовая природа понятия «экстремистские материалы»

С философско-правовой точки зрения, проблема заключается в столкновении двух моделей легитимности: либеральной (основанной на презумпции свободы) и охранительной (ориентированной на упреждение угроз). В ситуации, когда правовое определение экстремистского материала остаётся неопределённым, государство склонно действовать в рамках превентивной логики, что влечёт риски произвольных ограничений. Как писал Джон Стюарт Милль, «единственным оправданием вмешательства государства в свободу человека может быть предотвращение вреда другим» [Миль, 1994]. Следовательно, правовое определение экстремистских материалов должно быть привязано к критерию реальной угрозы, а не к формальному несоответствию политическому мейнстриму. Таким образом, анализ положений закона № 114-ФЗ и правоприменительной практики показывает, что действующая дефиниция экстремистских материалов требует нормативного переосмысления и уточнения, исходя из баланса между свободой выражения и необходимостью защиты общества от реальных угроз.

Проблематика правовой природы экстремистских материалов в российском законодательстве актуализируется не только в контексте борьбы с деструктивной идеологией, но и с позиций соблюдения принципов правовой определённости, соразмерности ограничений и конституционной гарантии свободы мысли и слова. По своей юридической сущности экстремистский материал — это информационный объект, которому в силу содержания и цели приписывается способность провоцировать действия, направленные против основ правопорядка, безопасности государства или международного мира. При этом необходимо разграничивать информацию как нейтральную категорию и экстремистский материал как результат её нормативной квалификации, предполагающей наличие совокупности правовых признаков. Только их совместное присутствие позволяет наделить ту или иную информацию статусом экстремистской, что влечёт наступление юридических последствий (запрет, блокировка, включение в Федеральный список экстремистских материалов, привлечение к административной либо уголовной ответственности).

Системно-правовой анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие ключевые признаки экстремистских материалов:

1. Наличие содержания, подпадающего под признаки экстремизма, то есть пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности человека по признаку

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 28. Ст. 4298.

национальности, расы, религии, призывы к насилию, вооружённому восстанию, насильственному изменению конституционного строя и т.д. Эти признаки определены в п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ.

2. Целенаправленность распространения — под экстремистскими понимаются только те материалы, которые предназначены для распространения, а не остаются в сфере личной или внутренней коммуникации. Это создаёт важную грань между свободным выражением мнения и общественно опасной агитацией. Однако на практике это различие часто игнорируется: например, суды признают экстремистскими личные переписки в мессенджерах, не анализируя контекст и намерения автора.

3. Формальная публикация или публичный доступ – распространение через интернет, мессенджеры, соцсети, книги, листовки и иные формы, позволяющие неограниченному кругу лиц ознакомиться с содержанием.

Установление признаков по результатам судебного решения – включение материала в Федеральный список экстремистских материалов возможно исключительно по результатам решения суда, вступившего в законную силу. Однако нередко такие решения принимаются без достаточной экспертизы или без уведомления автора, что вызывает обоснованную критику правозащитного сообщества. Характерным примером неопределённости признаков может служить дело о признании экстремистской информацией сатирических мемов или религиозной критики. В ряде случаев суды не проводят анализа направленности материала, ограничиваясь поверхностным лингвистическим заключением. Как справедливо отмечает В.В. Четвернин: «Юридическая квалификация информации как экстремистской требует не только формального соответствия фраз правовой норме, но и учёта контекста, цели, общественного резонанса, а также вероятности наступления вредных последствий» [Четвернин, 2021].

Правовая природа экстремистского материала – высокой степени конструкта, поскольку речь идёт не о физически опасном объекте, а о семиотически опасном значении, создающем социальную напряжённость либо идеологическое давление. В этом контексте возникает правовая дилемма, как совместить необходимость охраны общественного порядка и недопущения вражды с фундаментальным принципом свободы выражения мнений? Юрико-философское осмысление даёт понимание, что не любое «опасное» высказывание может быть основанием для запрета, если оно не сопровождается реальной угрозой. В постановлении по делу «Сюрен и Юттю против Турции» Европейский суд по правам человека отметил, что: «Высказывания, даже если они воспринимаются как провокационные или резко критикующие государственные институты, не должны рассматриваться как подстрекательство к насилию, если отсутствует контекст реальной угрозы»¹.

Таким образом, правовая природа экстремистских материалов — это не статическая категория, а правовой статус, присваиваемый информационному объекту по совокупности формальных и содержательных характеристик, которые, в идеале, должны быть установлены в рамках объективного, состязательного и научно обоснованного судебного разбирательства. В противном случае возникает риск легитимации произвольного ограничения информационного пространства, что влечёт подрыв конституционных прав и правовой определённости.

Разграничение понятий «экстремистская деятельность» и «допустимый радикализм»

Одним из ключевых вопросов, вызывающих напряжённость как в правоприменении, так и в теоретико-правовой плоскости, остаётся проблема разграничения экстремистской

¹ Европейский суд по правам человека. Дело «Sürek and Özdemir v. Turkey» (1999), жалоба № 23927/94.

деятельности и допустимого радикализма. Несмотря на то, что оба явления могут выражаться в форме резкой критики политических институтов, религиозных учений, социальных норм и доминирующих ценностей, юридическая квалификация их последствий и правовой статус диаметрально противоположны.

Экстремизм, как он определён в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ, представляет собой действия, направленные на подрыв основ государственности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной вражды, нарушение прав и свобод граждан, а также публичные призывы к осуществлению таких действий. Таким образом, в экстремистской деятельности всегда заложен элемент деструктивного воздействия на институты публичной власти, права личности либо общественный порядок. В то же время радикализм в юридическом смысле не является правонарушением, если он не сопровождается призывами к насилию или действиям, влекущим правовые последствия. Он может выражаться в форме альтернативных политических, экономических или культурных предложений, выходящих за рамки устоявшегося общественного дискурса. В этой связи радикализм – проявление гражданской активности, подчас предельно острой, но укладывающейся в рамки правомерного выражения позиции. Как подчёркивал И.А. Ильин, «право не может запрещать мысль, ибо мысль есть акт внутренней свободы. Только тогда, когда мысль воплощается в разрушительное действие – физическое или юридическое – она становится объектом права» [Ильин, 2006].

На международном уровне разграничение экстремизма и радикализма последовательно проводится Европейским судом по правам человека. В решении по делу «Эрджеп против Франции» (Erdogdu and Ince v. France, 1999), ЕСПЧ указал: «Государства обязаны проявлять особую осторожность при ограничении радикальных мнений, если только такие мнения не сопровождаются прямым подстрекательством к противоправным действиям или насилию»¹. Таким образом, критически важным критерием является направленность высказываний: допустимый радикализм не содержит элементов разжигания вражды, призывов к нарушению закона или насильственному изменению конституционного строя. Он может быть резким, неудобным, политически оппозиционным, но правомерным.

Следует отметить, что в современной судебной практике граница между экстремизмом и радикализмом нередко размывается, особенно в контексте оценки материалов в сети «Интернет». Например, в деле № 12-259/2022 (Верховный суд республики Коми, 2022)² пользователь был привлечён к административной ответственности за репост текста, содержащего радикальную политическую риторику, несмотря на отсутствие прямых призывов к действиям. Суд сослался на «общественную опасность мнения», тем самым приравняв выражение идеи к действию, что противоречит принципу правовой определённости. С философско-правовой точки зрения подобные прецеденты означают угасание презумпции добросовестности гражданина, когда государство исходит из презумпции подозрительности всякого инакомыслия. Между тем, как указывал Джон Стюарт Миль: «Если подавлять всякое радикальное суждение на том основании, что оно может быть неверным или опасным, мы лишаем общество возможности проверить свою собственную правоту» [Миль, 1994]. Для законодателя и правоприменителя критически важно сохранять тонкое правовое различие между экстремизмом как формой агрессии и радикализмом как формой альтернативного взгляда. Только в этом случае правовая система будет выполнять свою функцию защиты свободы и предотвращения насилия без перехода к цензурному подавлению инакомыслия. Одной из ключевых инстанций, формирующих подход к балансу между свободой выражения

¹ Европейский суд по правам человека. Дело «Erdogdu and Ince v. France» (жалоба № 23144/93), решение от 08.07.1999.

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 16.12.2022 по делу № 12-259/2022.

мнения и необходимостью защиты от экстремизма, выступает Конституционный Суд Российской Федерации. Его практика играет концептуально важную роль в правовом осмыслении границ допустимого публичного высказывания, особенно в условиях действия Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В решениях КС РФ прослеживается установка на поддержание разумного баланса между интересами общества и правами личности, с подчёркиванием того, что любое ограничение должно отвечать критериям законности, необходимости и соразмерности. В Постановлении от 30.06.2011 № 16-П Суд указал, что: «Ограничение свободы мысли и слова допустимо лишь при наличии прямой угрозы основам конституционного строя, морали, здоровья, прав и законных интересов других лиц, и только в объёме, необходимом для достижения этих целей»¹. Этот подход является реализацией принципов, содержащихся в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако в ряде случаев, особенно в делах, касающихся информационных ресурсов в сети Интернет, суд оказывается в ситуации правовой неопределённости — что именно следует считать экстремистским выражением, а что — критической позицией или радикальной идеей в рамках легального поля. Особое внимание заслуживает Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1073-О, в котором подчёркивается: «Неопределённость понятий, используемых в антиэкстремистском законодательстве, может привести к расширительному толкованию и нарушению принципа правовой определённости, установленного в ст. 1 Конституции РФ как признак правового государства»².

Таким образом, Конституционный Суд прямо указывает на опасность размытости дефиниций и их применения к материалам, не несущим очевидной общественной опасности. Более того, Суд неоднократно подчёркивал важность учёта контекста и цели выражения мнения, что особенно важно в сфере анализа текстов, публикуемых в СМИ, блогах и социальных сетях.

В Определении от 19.05.2015 № 1005-О Конституционный Суд указал: «Свобода выражения мнения предполагает не только свободу содержания, но и свободу формы высказывания, в том числе – иронии, сарказма, преувеличения. Использование эмоционально окрашенных средств выражения само по себе не свидетельствует о наличии признаков экстремизма»³. Эти выводы подтверждают, что эмоциональность или резкость мнения не может служить основанием для признания его противоправным, если отсутствуют чёткие признаки подстрекательства, унижения достоинства или призывов к насилию. Иначе, как отмечает С.А. Авакьян, «правовая система перестаёт быть щитом гражданской свободы и превращается в инструмент идеологического фильтра» [Авакьян, 2019]. Однако стоит признать, что несмотря на достаточно взвешенные подходы Конституционного Суда, общие суды нередко игнорируют эту практику, опираясь исключительно на формальные признаки (например, наличие слова из запрещённого перечня или ссылку на сайт, внесённый в чёрный список Роскомнадзора). Как следствие, возникает дефект правоприменения, при котором нормы, имеющие репрессивный потенциал, применяются без должной интерпретации в соответствии с конституционно-правовыми установками. Такой подход приводит к рестриктивной практике, не отвечающей принципу соразмерности и создающей *chilling effect* — эффект сдерживания законной критики. Таким образом, анализ судебной практики Конституционного Суда РФ свидетельствует о наличии правового ресурса для гуманизации антиэкстремистского

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 28. Ст. 4298.

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1073-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 8

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2015 № 1005-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

законодательства, однако эффективное использование этого ресурса требует: институционализации ссылок на правовые позиции КС в решениях судов общей юрисдикции; внедрения стандарта «необходимости и адекватности» при оценке информационных рисков; обеспечения обязательной правовой экспертизы при вынесении решений о признании материалов экстремистскими.

Включение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статьи 13.53 в 2025 году стало важной вехой в развитии правового механизма борьбы с экстремизмом в цифровом пространстве. Впервые объектом административного контроля стало не распространение, а доступ к информации, обладающей экстремистским содержанием, причём не в публичной, а в личной информационной среде.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 13.53 КоАП РФ, включает в себя два юридически значимых действия: умышленный поиск экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет; получение доступа к таким материалам, в том числе с использованием программно-аппаратных средств (VPN, Tor и пр.). При этом критически важно, что правонарушение считается окончанным с момента установления факта умышленного обращения субъекта к заведомо запрещённому ресурсу или материалу, вне зависимости от того, были ли совершены дальнейшие действия (например, сохранение, распространение, репост).

Таким образом, состав по ст. 13.53 КоАП РФ является формальным, то есть не требует наступления вредных последствий — для привлечения к ответственности достаточно установления самого факта доступа к запрещённой информации при наличии умысла. Объектом правонарушения выступают охраняемые законом общественные отношения в сфере информационной безопасности, а также конституционные устои, подверженные риску в результате обращения к экстремистским источникам. Субъект правонарушения — физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, дееспособное и обладающее возможностью осознавать противоправный характер своих действий. Однако сложность выявления субъекта и установления вины в цифровой среде делает применение данной нормы особенно спорным, о чём свидетельствует и практика последних лет.

Наиболее проблемной частью является субъективная сторона, а именно, наличие умысла и заведомости. Заведомость, предполагает, что лицо осознанно знало о противоправности своих действий и понимало, что материал включён в Федеральный список экстремистских материалов (ФСЭМ)¹. Субъективная сторона данного правонарушения содержит выраженный интеллектуальный элемент — знание о статусе информации. В отсутствие доказанного осознания противоправности, квалификация действия как умышленного доступа нарушает принцип вины.

Важно отметить, что статья 13.53 не требует распространения или публичной демонстрации материалов, в отличие от смежной статьи 20.29 КоАП РФ. Это усиливает её репрессивный потенциал: за действия, которые могли быть мотивированы научным, исследовательским или даже бытовым интересом, гражданин несёт ответственность в отсутствие каких-либо наступивших вредных последствий. Кроме того, закон прямо допускает квалификацию деяния при использовании программно-аппаратных средств обхода ограничений (например, VPN), что само по себе не является противоправным. Однако в совокупности с фактом обращения к экстремистским материалам такое использование трактуется как дополнительный маркер умысла.

Это вызывает сомнение с позиций правового государства: ведь применение инструментов анонимизации — это нейтральное техническое действие, используемое, в том числе, в целях защиты персональных данных, при наличии ограниченного доступа к сетям (например, в рамках образовательных или исследовательских нужд). Об этом

---

¹ Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Минюст России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials>. (дата обращения: 16.10.2025).

справедливо пишет Т.В. Кашанина: «Приравнение факта применения VPN к признаку вины является нарушением принципа презумпции добросовестности, закреплённого в статье 1.5 КоАП РФ» [Кашанина, 2022]. Статья 13.53 КоАП РФ будет предполагать высокий уровень формализации правонарушения, при этом оставляя широкое пространство для усмотрения правоприменителя, особенно в вопросах доказательства субъективной стороны. Это может вести к произвольной трактовке технических действий, не несущих общественной опасности, как противоправных, что ставит под угрозу информационные права и свободы личности.

Заключение

В своем исследовании мы выявили проблему правовой неопределённости в регулировании доступа к экстремистским материалам в интернете. Предложенная мера введения административной ответственности за поиск и доступ к такому контенту чрезмерно формальна и создаёт предпосылки для произвола. Необходимы точные критерии доказанности умысла, исключение необоснованных обвинений из-за использования технических средств (VPN, Tor) и обязательный контекстный анализ информации. Требуются изменения законодательства, обеспечивающие защиту прав граждан и предотвращение непропорциональных санкций.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2019. Конституционные свободы и пределы их допустимого ограничения в правовом государстве. *Конституционное и муниципальное право*, 1: 89–94.
- Ильин И.А. 2006. О сопротивлении злу силою. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 229 с.
- Кашанина Т.В. 2022. Юридическая ответственность за распространение экстремистских материалов. *Законодательство и экономика*, 4: 55–61.
- Ковлер А.И. 2020. Право на свободу выражения и экстремизм: дилеммы правоприменения. *Конституционное правосудие*, 3: 58–64.
- Милль Дж. С. 1994. О свободе. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 304 с.
- Новиков С.В. 2018. Экстремизм в правовом измерении. М.: Юридическая литература, 248 с.
- Четвернин В.В. 2021. Пределы допустимого: свобода слова и борьба с экстремизмом. М.: Институт права и публичной политики, 168 с.

References

- Avakyan S.A. 2019. Constitutional freedoms and the limits of their permissible restriction in the rule of law. *Constitutional and municipal law*, 1: 89-94. (In Russian).
- Ilyin I.A. 2006. On resisting evil by force. Collected Works: In 10 volumes. M.: Russian Book, 229 p. (In Russian).
- Kashanina T.V. 2022. Legal liability for distribution of extremist material. *Legislation and Economics*, 4: 55-61. (In Russian).
- Kovler A.I. 2020. The right to freedom of expression and extremism: enforcement dilemmas. *Constitutional Justice*, 3: 58-64. (In Russian).
- Mill J.S. 1994. About freedom. Per. from English - M.: Progress, 304 p. (In England).
- Novikov S.V. 2018. Extremism in the legal dimension. M.: Legal literature, 248 p. (In Russian).
- Chetvernin V.V. 2021. Limits: freedom of speech and the fight against extremism. M.: Institute of Law and Public Policy, 168 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.11.2025
Поступила после рецензирования 01.02.2026
Принята к публикации 04.03.2026

Received November 5, 2025
Revised February 1, 2026
Accepted March 4, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника института по научной работе, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Кузнецов Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Research, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Andrey V. Kuznetsov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.